

Владимир Мау

Кризисы и уроки Экономика России в эпоху турбулентности

Нынешний кризис служит серьезным интеллектуальным вызовом, требующим глубокого переосмысления причин, механизмов распространения и путей преодоления. Методы экономической политики, выработанные в предыдущие десятилетия, оказались неприменимы к масштабным кризисам современности. Слишком сложной стала природа новых проблем, а механизмы эскалации кризиса, меры по его преодолению, масштабы и продолжительность — крайне неопределенными.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Владимир Мау

**Кризисы и уроки. Экономика
России в эпоху турбулентности**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2016

УДК 338
ББК 65.9

May В. А.

Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности /
В. А. Мау — «Институт экономической политики имени Е.Т.
Гайдара», 2016

ISBN 978-5-93255-436-4

Книга посвящена изучению кризисов в новейшей (посткоммунистической) российской истории. Среди них кризисы трансформационный, макроэкономический, структурный, революционный, а также кризисы внешних шоков. Особое внимание уделяется проблемам современного глобального кризиса и особенностям его развития в российских условиях. Текущий глобальный кризис формирует так называемую новую реальность. Его истоки, особенности и возможные последствия исследуются в данной монографии с учетом опыта крупнейших кризисов последних ста лет. Это и системные кризисы 1930-х и 1970-х годов, и кризисы последних тридцати лет, происходившие в России. Для экономистов, историков и всех, кто интересуется реалиями экономической политики и вопросами экономической истории.

УДК 338
ББК 65.9

ISBN 978-5-93255-436-4

© Мау В. А., 2016
© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2016

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Типология кризисов	8
Кризисные 1990-е	10
Турбулентное десятилетие: 2008–?	14
I	18
Глава 1	18
Революция и модернизация	20
Экономические проблемы революции	25
Глава 2	29
Слабое государство	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владимир Мау
Кризисы и уроки. Экономика
России в эпоху турбулентности

Посвящается Егору Гайдари

© Мау В. А., 2016

© Издательство Института Гайдара, 2016

* * *

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена изучению современного глобального кризиса и особенностей его развития в российских условиях. Анализ ведется в контексте накопленного опыта масштабных (глобальных или структурных) кризисов последних ста лет.

Специфика российской ситуации определяется переплетением нескольких кризисных процессов, которые при всей своей сложности не являются беспрецедентными и могут быть соотнесены с некоторыми важными эпизодами мировой и отечественной экономической истории XX столетия. Актуальным представляется опыт двух прошлых системных кризисов – 1930-х и 1970-х гг., в рамках которых формировались новая экономическая модель и новые подходы к ее теоретическому исследованию. Важно принимать во внимание особенности радикальных трансформаций социально-экономических систем (революций), которые в XX столетии в России происходили дважды. Уместен опыт системных экономических трансформаций в России – формирования модели государственного рыночного хозяйства (нэпа) в начале 1920-х гг. и ее демонтаж в конце этого десятилетия, а также попытка построения рыночного социализма во второй половине 1980-х.

Но, разумеется, при всей важности опыта прошлого при выработке антикризисной политики нельзя опираться только на него, поскольку даже сама комбинация известных кризисов создает новую реальность, которая требует новых подходов к ее осмыслению. Не говоря уже о том, что каждый системный (глобальный) кризис несет с собой новое качество, из-за которого прямолинейное повторение антикризисной политики не представляется возможным. Более того, попытки повторения опыта прошлого оказываются контрпродуктивными, только усиливая кризисные явления. Подчеркнем – речь идет о неэффективности прямолинейного повторения уже известных решений. Но их осмысление является необходимым условием для того, чтобы, по крайней мере, не повторять прошлых ошибок.

Соответственно в структуре книги автор стремился совместить исторический и проблемный подходы.

В Введении предлагается общий обзор кризисов, с которыми сталкивалась российская экономика, начиная с распада коммунистической системы.

Первый раздел посвящен урокам революционных кризисов и соответствующих им трансформаций. Полномасштабная революция – это исключительно редкий феномен, однако при всей его уникальности революционные трансформации имеют ряд особенностей.

Второй раздел рассматривает ход и уроки кризиса 1998 г. в России, который, по сути, завершил посткоммунистическую трансформацию и во многом определил социально-экономическую модель развития страны на следующие полтора десятилетия.

В третьем разделе анализируется глобальный кризис, начавшийся в 2008 году, в контексте кризисов 1930-х и 1970-х гг.

Четвертый раздел посвящен экономическим проблемам России в условиях глобального кризиса. Ключевой тезис здесь – переплетение нескольких кризисов, которые разворачиваются на фоне глобального кризиса, но отнюдь не тождественны ему.

В пятом разделе обсуждается ряд ключевых проблем посткризисной повестки социально-экономического развития России и мира.

В Приложениях содержатся два интервью, которые, по мнению автора, представляют интерес и отражают дух кризисного времени, а также некоторые статистические материалы.

При написании этой книги автор опирался на свои исследования последних 20 лет. Это прежде всего обзоры социально-экономического развития России, которые готовились в Институте экономической политики (Институте экономических проблем переходного периода), ныне носящем имя Е. Т. Гайдара, а также статьи из журналов «Вопросы экономики» и

«Экономическая политика». Перечень статей из этих журналов, использованных при подготовке книги, приведен в Библиографии. Разумеется, была проведена большая работа по переработке этих материалов с учетом задач и реалий нашего времени.

Основываясь на статьях, написанных непосредственно во время описываемых событий, можно проследить логику развития кризисов и антикризисной политики, показать преемственность (или разрыв преемственности) при выработке тех или иных решений. От главы к главе читатель увидит, как формировались и трансформировались представления о приоритетах экономической политики, проблемах экономического роста и формирования новой модели и ее альтернативах; проследит эволюцию представлений о роли социальной политики и отраслей человеческого капитала в решении антикризисных и модернизационных задач; представлений об институциональных и структурных приоритетах развития страны.

Словом, при работе над книгой автор считал важным и интересным не только актуализировать материалы, но одновременно сохранить в них дух времени, когда создавались их первоначальные варианты. Конечно, две эти задачи трудносовместимы. Насколько это удалось – судить читателям.

Хотел бы выразить благодарность организациям, в которых мне приходилось работать на протяжении десятилетий кризисов и роста. Это Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ранее Академия народного хозяйства при Правительстве РФ), Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара (ранее Институт экономических проблем переходного периода), а также Рабочий центр экономических реформ при Правительстве РФ. Исследовательская, экспертная и консультационная работа этих организаций всегда формировала основу индивидуальных работ их сотрудников.

Моя благодарность коллегам, которые на протяжении уже 25 лет делились своими соображениями и давали советы при написании отдельных разделов этой книги. Многие из них работают или в прошлом работали в названных организациях. Это А. Л. Ведев, Г. О. Греф, Т. А. Дробышевская, С. М. Дробышевский, Г. И. Идрисов, П. А. Кадочников, А. Л. Кудрин, О. А. Макарова, Т. М. Малева, А. В. Моисеев, В. С. Назаров, К. Ю. Рогов, С. Г. Синельников-Мурылев, И. В. Стародубровская, И. В. Трунин, П. В. Трунин, А. В. Улюкаев, М. Ю. Хромов, Р. М. Энтов, К. В. Юдаева.

Я признателен Е. Т. Гайдару, который стоял у истоков экономических реформ и антикризисной политики в современной России. С ним мы обсуждали многие проблемы, о которых пойдет речь в этой книге.

При непосредственной работе над рукописью исключительно важной была помощь В. В. Анашвили и В. С. Гуревича, без которых эта книга не увидела бы свет.

Введение

Экономические кризисы в новейшей истории России

*Неужели никто не мог предвидеть финансового кризиса?
Елизавета II, королева Великобритании (2008)*

Типология кризисов

Кризисы – важная тема экономической повестки современной России, неперенный элемент отечественных экономико-политических дискуссий.

На протяжении четверти века посткоммунистической истории нашей страны мы или боремся с кризисами, или обсуждаем уроки прошлых кризисов, или пытаемся увидеть контуры кризисов будущих.

Постоянное присутствие тематики кризиса в нашем политическом и экономическом дискурсе не должно вызывать удивления. Экономические кризисы являются важным элементом современного экономического роста, начавшегося примерно 300 лет назад. В этом отношении знаменитый вопрос королевы Елизаветы II: «Неужели никто не мог предвидеть финансового кризиса?»¹ – не выходит за рамки простого человеческого пожелания. Если бы кризисы можно было предсказывать, их можно было бы не допускать.

Такой взгляд непривычен для части нашего общества. На протяжении примерно 60 лет XX столетия – с 1930-х до конца 1980-х гг. – термин «кризис» не использовался по отношению к советской экономике и твердо ассоциировался с загнивающим капитализмом. Однако это не означает, что экономических кризисов не было. Просто они носили или скрытый, или превращенный характер, принимая формы, отличные от рыночных экономик (товарный дефицит вместо инфляции, избыточная занятость и низкая производительность труда вместо открытой безработицы и т. п.), однако и здесь можно было наблюдать определенную цикличность². В конечном счете именно эта интеллектуальная и политическая «нечувствительность» к кризисам, неготовность принять их в качестве естественного элемента развития сыграли с советской системой злую шутку, подведя ее к катастрофе рубежа 1980–1990-х.

Разумеется, понятие «кризис» многоплановое и неоднозначное. В данном случае мы не намерены обсуждать его строгое определение. Речь пойдет о серьезных трудностях, с которыми российская экономика сталкивалась на протяжении всех лет своего существования и которые требовали для своего разрешения существенного изменения курса экономической политики. Признаками кризиса считаются существенные изменения в худшую сторону параметров экономической и социальной динамики: ВВП (не обязательно выход в отрицательную зону, но и резкое торможение), занятости, инфляции, бюджетного дефицита, государственного долга, процентных ставок и ряда других. Кризис не тождествен экономическому спаду, хотя отрицательные темпы роста ВВП – важное свидетельство наличия кризиса.

За период с конца 1980-х гг. Россия испытала несколько кризисов, различных по глубине и политическим последствиям. С некоторой долей условности можно назвать следующие кризисы, через которые Россия проходила за последние 25 лет:

- Трансформационный кризис, в рамках которого осуществляется выработка новой экономико-политической модели функционирования общества. Его особенностью высту-

---

¹ Pierce A. The Queen asks why no one saw the credit crunch coming. The Telegraph, 2008, November 5.

² Ofer G. Soviet Economic Growth (1928–1985) // Journal of Economic Literature. Vol. XXV. 1987. No. 4.

пает одновременное изменение политических, экономических, социальных и идеологических основ развития страны, причем иногда оно сопровождается изменением государственных границ, крахом государства, и в этом случае кризис принимает форму полномасштабной революции³.

- Системный (структурный) кризис как кризис сложившейся модели экономического роста и экономического регулирования предполагает для выхода из него осуществление серьезных (хотя и необязательно радикальных) институциональных преобразований. В его основе лежат масштабные технологические сдвиги⁴.

- Циклический (инвестиционный) кризис, отражающий колебания в темпах роста ВВП, инвестиций и занятости, хорошо известный также из истории XIX–XX вв.

- Финансовый кризис, который, в свою очередь, может распадаться на кризисы бюджетной, денежной (валютный кризис), банковской систем. Они могут проявляться совместно или преимущественно в той или другой финансовой сфере. По сути, во всех этих случаях речь идет о макроэкономической дестабилизации.

- Кризис внешних шоков, который связан с обстоятельствами, внешними для данной страны, – войнами с их экономическими последствиями, резким изменением условий торговли и др.

На практике эти кризисы в разной комбинации наслаиваются друг на друга или определяют друг друга. Точнее, кризисы системного характера вбирают кризисы отдельных сторон экономической жизни. Так, трансформационный и структурный кризисы всегда влекут финансовый кризис, который нередко выступает их непосредственным триггером. Внешние шоки обуславливают финансовую дестабилизацию. Переплетение кризисов определяет специфику антикризисных мер в каждой отдельной стране в данное время. Наложение инвестиционного и финансового кризисов существенным образом затрудняет выход из кризиса, делает его более продолжительным, а антикризисные меры более болезненными.

Посткоммунистическая Россия проходила через все эти кризисы, причем через некоторые уже более одного раза. Однако при всем разнообразии экономических проблем в рамках 25-летнего интервала выделяются два достаточно длительных периода, которые можно охарактеризовать как кризисные: трансформационные 1990-е гг. и современный глобальный кризис, начавшийся в 2008 г. и находящийся в настоящее время в России в полном разгаре.

---

³ *Skocpol Th.* States and social revolutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; *Tilly Ch.* European Revolutions, 1492–1992. Oxford: Blackwell, 1993; *Стародубовская И. В., Мау В. А.* Великие революции. От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001.

⁴ Ряд экономистов рассматривают проблему смены технологической базы, находясь в логике «больших циклов конъюнктуры» Н. Д. Кондратьева – длинных волн, охватывающих 50–60-летний период (*Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. Т. 1. Вып. 1. М., 1925). Это интересная и потенциально продуктивная гипотеза, хотя строгих доказательств ее верности нет и быть не может в связи с отсутствием достаточного числа статистических наблюдений, да и сам автор рассматривал эти свои выводы лишь как гипотезу.

Кризисные 1990-е

Первое посткоммунистическое десятилетие стало временем осуществления сложных, многоплановых процессов преобразования советского социализма в новое общество. Непростой и противоречивый характер трансформации породил острые дискуссии о самом существовании проводившихся реформ, об их эффективности и адекватности, о наличии альтернативных путей решения стоявших перед страной задач.

В конце 1980-х гг. СССР столкнулся с четырьмя масштабными кризисами, которые несли четыре масштабных исторических вызова. И именно эти процессы в полной мере предопределяли развитие России на протяжении 1990-х. Не будучи внутренне связаны друг с другом, они оказались в России тесно переплетенными и существенно влияли друг на друга и, главное, на характер экономического и политического развития страны.

Во-первых, страна столкнулась с вызовами постиндустриальной эпохи. Выход за рамки индустриального общества сопровождается тяжелыми структурным и макроэкономическим кризисами, через которые прошли страны Запада в 1970-е гг. СССР благодаря благоприятной для себя внешнеэкономической конъюнктуре смог отсрочить начало структурной адаптации, но тем болезненнее она оказалась тогда, когда стала абсолютно неизбежной⁵.

На протяжении 1990-х гг. проходили острые дискуссии относительно характера структурной трансформации российской экономики. Падение ряда традиционных секторов индустриальной экономики некоторые авторы характеризовали как деиндустриализацию, хотя более глубокий анализ протекающих процессов позволяет увидеть в происходящих сдвигах и ростки сервисной структуры, более характерной для постиндустриальной экономики (см. табл. В.1). Бурно росли отрасли телекоммуникаций и связи, электронная промышленность⁶.

Таблица В.1. Некоторые показатели социально-экономического развития (1991 г. = 100 %, где не указано иное)

---

⁵ Характеристика российского кризиса как кризиса индустриального общества содержится в работах некоторых исследователей. См., например: *Bauman Z. A Post-Modern Revolution? // From a One-Party State to Democracy. Amsterdam: Rodopi, 1997; Rosser J. B., Rosser M. V. Schumpeterian evolutionary dynamics and the collapse of Soviet-block socialism // Review of Political Economy. Vol. 9. No. 2. 1997. P. 211–223.*

⁶ За 1990-е гг. электронная промышленность освоила порядка 700 новых изделий, отвечающих мировому уровню, и 800 видов товаров народного потребления. Рост производства составил в 1999 г. 46 %, а в 2000 г. – 37,7. За последние годы значительно возрос экспорт электронной продукции, составляя 70–80 млн долл. в год, в основном в страны дальнего зарубежья.

	1992	1998	1999	2000	2005	2010	2012
ОБРАЗОВАНИЕ							
Число вузов	535	914	939	965	1068	1134	1046
Численность студентов в вузах, тыс. чел.	2638,0	3597,9	4073,0	4741,4	7064,6	7049,8	6075,4
Выпущено специалистов из вузов, тыс. чел.	425,3	500,8	554,8	635,1	1151,7	1467,9	1397,3
Численность профессорско-преподавательского состава, тыс. чел. (1993 г. = 100%)	—	253,2	260,8	271,1	311,3	356,8	342,0
ПРОИЗВОДСТВО							
Видеокассеты, млн	2,8	30,5	24,9	21,3	—	—	—
Доля электростали и кислородно-конвертерной стали в общем объеме выплавки стали, %	50	72	72	73	80	91 (2009)	—
Доля стали, полученной с машин непрерывного литья, %	23 (1990)	37 (1995)	53	50	66	81 (2009)	—
Производство алюминия, включая силумин	99,4	111,4	117	120,6	137,1	—	—
ТРАНСПОРТ							
Обеспеченность населения собственными легковыми автомобилями (на 1000 чел.)	58,5 (1990)	92,3 (1995)	129,1	130,5	169	213,5 (2008)	—
Автомобильные дороги с твердым покрытием, км / 1000 км ² территории	23 (1990)	28 (1995)	28	28	31	39	58 (2013)
СВЯЗЬ							
Число телефонных аппаратов сети общего пользования (на 1000 чел.)	0,1	5,1	9,3	22,3	862,6	1663,7	1826,9
Обеспеченность населения домашними телефонными аппаратами (на 100 семей)	105	137,6	147,6	155,5	60,1	62,5	57,8 (2013)
Протяженность междугородных телефонных каналов	245,6 (1990)	295,8 (1995)	351,1	1222,7	16 017,8	—	—
Доля протяженности цифровых каналов в общей протяженности междугородных телефонных каналов, %	1,5	56,9	69,1	76,9	—	—	—
Число абонентских устройств подвижной радиотелефонной (сотовой) связи, тыс. шт.	6,0	747,2	1370,6	3263,2	123 549,3	237 689,2	261 887,8
Сотовые и зонные каналы связи	100	12 695	23 600	55 524	—	—	—
Количество абонентов сотовых сетей, млн чел.	0,27 (1996)	0,63	1,08	3,4	123,8	237,7	252,3
Количество пользователей сети Интернет, млн чел.	1 (1996)	1,5 (1997)	2,2	3,1	21,7	43,3	59,5

Источники: Госкомстат РФ, Росстат, Минкомсвязь, «ВымпелКом» («Билайн»).

Прогрессивные сдвиги наблюдаются в структуре выпускаемой продукции химической промышленности и металлургии. Заметно увеличилось количество организаций образования, число вовлеченных в вузовское и послевузовское образование.

Во-вторых, в российском обществе протекали процессы собственно посткоммунистической трансформации. Наиболее сложной оказалась трансформация собственности – приватизация в национальном масштабе. Однако этот переход не являлся чем-то специфическим для России. Одновременно с ней посткоммунистические преобразования осуществляли еще порядка 25 государств, причем Россия не была первопроходцем: ряд стран начали этот переход на два-три года раньше, что давало постсоветским республикам определенный, хотя и не очень богатый, опыт.

В-третьих, Россия столкнулась с масштабным финансовым (или макроэкономическим) кризисом, который стал результатом отчасти популистской экономической политики (начиная со второй половины 1980-х гг.), а отчасти политической слабости посткоммунистического государства, которое было неспособно противостоять давлению инфляционистских сил. Это

привело к развалу бюджетной и денежной систем, к исключительно высоким темпам инфляции, к падению производства. Впрочем, макроэкономический кризис и пути борьбы с ним были уже хорошо изучены к концу XX столетия. В 1940–1980-е гг. схожие проблемы приходилось решать многим странам Европы, Азии и Латинской Америки, да и сама Россия имела позитивный опыт преодоления макроэкономического кризиса (в 1922–1923 гг.).

Наконец, *в-четвертых*, политические, экономические и структурные преобразования, с которыми столкнулась Россия на рубеже 1980–1990-х гг., осуществлялись в условиях трансформационного кризиса и полномасштабной социальной революции. Системные преобразования, радикально изменявшие общественное устройство страны, протекали в условиях слабого государства, что и является сущностной характеристикой революции⁷. К началу посткоммунистических преобразований разрушенными оказались практически все институты государственной власти, и их восстановление было, по сути, центральной политической задачей первого посткоммунистического десятилетия. Более того, экономические реформы продвигались только по мере восстановления институтов государственной власти, что приводило к более медленным темпам преобразований, чем в большинстве других посткоммунистических стран. Революционный тип преобразований был уникальным среди стран, осуществлявших посткоммунистический переход, однако он также не был абсолютно новым в евро пейской истории.

Таким образом, специфика развития России 1990-х гг. предопределялась самим фактом переплетения четырех кризисов. Каждый из них не представлял собой чего-то уникального, неизвестного из опыта других стран или из исторического опыта самой России. Уникальным стало их переплетение в одной стране в одно и то же время. Именно это обуславливало специфику российской трансформации и ставило в тупик многих исследователей посткоммунизма.

У трансформационного десятилетия было два особенно острых этапа, когда экономические проблемы могли взорвать политическую систему.

В первом случае это так и произошло – в 1991 г. СССР прекратил существование, рухнув под натиском прежде всего экономических проблем. Тяжелые либерализационные реформы 1992 г., сопровождавшиеся четырехзначной инфляцией, также привели к серьезным политическим потрясениям, но позволили создать базовые условия для осуществления в дальнейшем антикризисной политики.

Вторым этапом был финансовый (долговой) кризис 1998 г., который также был чреват политическими потрясениями. Однако, несмотря на почти четырехкратную девальвацию и скачок инфляции до 80 %, кризис удалось быстро купировать и воспользоваться его результатами для возобновления экономического роста.

К концу 1990-х гг. обозначилось исчерпание, по крайней мере, трех из четырех названных кризисов.

Прежде всего *была проведена макроэкономическая стабилизация*. Кризис оказался довольно длительным (около 10 лет), однако не беспрецедентным в экономической истории. Стабилизация была осуществлена при помощи набора стандартных мероприятий (либерализация, бюджетная и денежная стабилизация), что и сформировало основу для восстановления экономического роста. В этом отношении кризис 1998 г. стал завершающим эпизодом финансового кризиса десятилетия.

К 2000 г. были практически *исчерпаны процессы революционной трансформации*. Произошло восстановление государственной власти, макроэкономическая стабилизация была синхронизирована со стабилизацией политической. Еще анализ предвыборных программ политических партий конца 1999 г. показывал, что базовые ориентиры основных политических

---

⁷ Подробную характеристику этого вывода см. в: Стародубовская И. В., Мау В. А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. С. 313–317.

сил при всем различии между ними сближаются⁸. Формировалась система базовых ценностей, которые на время перестали быть предметом политической борьбы. Например, никто уже не ставил под сомнение частную собственность в качестве основы экономической и политической жизни (хотя оценки итогов приватизации оставались противоречивыми); никто не выступал с требованиями отказа от жесткой денежной и бюджетной политики (еще недавно многие считали вполне допустимым инфляционное финансирование бюджетного дефицита); все поддерживали политику снижения налогового бремени;

все были согласны с необходимостью перенесения центра тяжести на институциональные реформы. Конечно, практические рекомендации политических сил существенно различались, но различия эти уже не были настолько глубоки, чтобы вести к разрушению политической системы. Способность власти обеспечить базовую макроэкономическую стабильность служит важнейшей экономико-политической характеристикой преодоления революционного кризиса.

Таким образом, к началу 2000-х гг. можно было говорить и об *исчерпании задач посткоммунистической трансформации*. Три основные характеристики отличают коммунистическую систему: тоталитарный политический режим, абсолютное господство государственной собственности в экономике, товарный дефицит в качестве сущностной черты экономической и политической жизни⁹. К концу 1990-х гг. в России были преодолены все три черты коммунизма.

Впрочем, сказанное не означало формирования в России новой эффективной рыночной экономики. Так и не удалось в полной мере преодолеть структурные и макроэкономические проблемы, связанные с формированием современной технологической и институциональной базы. Нерешенность этих проблем обуславливала уязвимость России перед угрозой глобальных кризисов и внешних шоков.

Словом, доминирующей социально-экономической проблемой России после завершения посткоммунистической трансформации оставались кризис индустриальной системы и формирование социально-экономических основ современного общества. Этот процесс предопределял характер тех кризисов, с которыми страна должна будет столкнуться в обозримом будущем.

---

⁸ Российская экономика в 1999 г.: Тенденции и перспективы. Вып. 21. М.: ИЭПП, 2000. С. 313–319.

⁹ Сущностная связь, неразделимость коммунистической системы и товарного дефицита, была показана еще в первые годы практического осуществления коммунистического эксперимента, а к концу советской системы была теоретически обоснована Я. Корнаи (*Бруцкус Б. Д.* Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // *Экономист*. 1922. № 1–3; *Новожилов В.* Недостаток товаров // *Вестник финансов*. 1926. № 2; *Корнаи Я.* Дефицит. М.: Наука, 1990). Это же было фактически признано И. Сталиным. В «Экономических проблемах социализма в СССР» в качестве одного из фундаментальных законов построенного под его руководством общества называется «закон опережающего роста потребностей по сравнению с возможностями их удовлетворения» (*Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР // *Сталин И. В.* ПСС. Т. 16. М.: Писатель, 1997).

Турбулентное десятилетие: 2008–?

Современный глобальный кризис совпал по времени с восстановлением российской экономики до уровня, предшествовавшего трансформационному кризису. В 2000–2008 гг. происходил поступательный экономический рост, который позволил за десятилетие практически удвоить ВВП. Среднегодовой темп роста составлял около 7 %.

Однако по мере приближения к докризисному уровню появились признаки истощения сложившейся модели экономического роста. Эта модель основывалась на постоянном опережающем росте спроса (благодаря быстрому росту цен на нефть и притоку нефтедолларов) при отставании роста производительности труда и конкурентоспособности продукции. Институциональные реформы, начатые и успешно осуществлявшиеся в 2000–2003 гг., постепенно стали сворачиваться. Качество институтов не играло значимой роли при наличии растущих финансовых возможностей государства. Несмотря на несомненные макроэкономические успехи (сокращение долга до незначительных размеров, формирование Стабилизационного фонда, обеспечение бюджетного профицита, снижение инфляции) и социально-политическую стабильность, было очевидно, что экономика остается уязвимой перед внешними шоками и не может совершить качественного рывка, – конкурентоспособность в условиях «голландской болезни» не только не росла, но и снижалась.

Начавшийся глобальный кризис носил системный (или структурный) характер и был сопоставим по масштабу и последствиям с аналогичными кризисами XX в. – 1930-х и 1970-х гг.¹⁰ Этот кризис особого рода, который не описывается одним-двумя параметрами (например, спадом производства и ростом безработицы), но является многоаспектным, охватывая разные сферы социально-экономической жизни, и, как правило, имеет серьезные социально-политические последствия.

Этот кризис несет крупный интеллектуальный вызов. Он требует выработки новой повестки экономического и политического (и вообще обществоведческого) анализа, становится мощным стимулом для переосмысления существующих экономических и политических доктрин в глобальном масштабе и применительно к отдельным странам.

Разумеется, здесь не может быть прямых аналогий. Структурные кризисы уникальны, т. е. опыт, накопленный при преодолении каждого из них, имеет ограниченную ценность в новых условиях. И тем не менее есть ряд качественных характеристик, которые позволяют относить их к одному классу, т. е. эти кризисы можно сравнивать друг с другом, учитывать их особенности, но не переносить рецепты антикризисной политики от одного из них к другому.

Можно выделить следующие черты, присущие системным кризисам.

Во-первых, кризис связан с серьезными институциональными и технологическими изменениями, со сменой технологической базы. Эти изменения выводят экономику на качественно новый уровень эффективности и производительности труда. Обновление технологической базы с точки зрения новейших достижений науки и техники считается важнейшим условием успешного выхода из кризиса. Формирование новой технологической базы сыграет в дальнейшем развитии ту же фундаментальную роль, которую в середине XX в. сыграла крупная машинная индустрия, а после 1970-х гг. – микроэлектроника и компьютерные системы. С технологическим обновлением связана трансформация спроса на многие товары производственного и потребительского назначения и особенно на инвестиционные и топливно-энергетические продукты. Естественно, это скажется на ценах большинства присутствующих на рынке товаров, обусловит выход на новые равновесные уровни цен, что повлечет и изменение политических конфигураций.

---

¹⁰ Мау В. Глобальный кризис: опыт прошлого и вызовы будущего // Экономическая политика. 2009. № 4.

Во-вторых, этот кризис неотделим от кризиса финансового.

В-третьих, в основе кризиса лежат дисбалансы в организации экономической жизни. Эти дисбалансы связаны с глубокими технологическими сдвигами, т. е. с появлением принципиально новых технологий (некоторые экономисты называют это новым технологическим укладом). Поэтому выход из кризиса предполагает трансформацию производственной базы ведущих стран на основе укрепления и развития этих самых новых технологий.

В-четвертых, накапливаются геоэкономические и геополитические дисбалансы. В современных условиях наиболее очевидным примером такого дисбаланса будет изменение ролей развитых и развивающихся (быстро развивающихся) стран. Выход на траекторию более сбалансированного роста (по параметрам сбережений и расходов, экспорта и внутреннего потребления, доходов и расходов) оказывается ключевой проблемой, стоящей перед многими развитыми и развивающимися странами в Европе, Америке и Азии.

В-пятых, формирование новых валютных конфигураций: появляется новая мировая валюта (или новые мировые валюты). В XX в. это было коренное изменение роли золота, возвышение доллара, после 1970-х гг. – усиление бивалютного характера международных расчетов. В новых условиях возникает вопрос о перспективах доллара, евро, юаня, а также о роли региональных резервных валют.

В-шестых, кризис продолжителен – он охватывает примерно 10-летний период, который можно обозначить как турбулентное десятилетие. Это означает, с одной стороны, что сам он может разбиваться на этапы, в рамках которых доминируют те или иные отдельные проблемы отраслевого или регионального характера, а с другой – что ни одна отдельно взятая характеристика не может считаться единственным критерием углубления кризиса или выхода из него. Это касается и рецессии (кризис не начался с рецессии и не сводится к ней), и колебаний фондового рынка, и любых других параметров.

В-седьмых, борьба с кризисом всегда сопровождается принятием сильнодействующих и не всегда адекватных антикризисных средств. С одной стороны, это связано с тяжестью структурных проблем, преодоление которых требует немалых экономических и социальных жертв. С другой – отмеченная выше интеллектуальная неготовность к структурному кризису, т. е. попытка решения новых проблем старыми методами, ведет к накоплению дополнительных трудностей и еще более усугубляет кризис как экономический, так в некоторых случаях и политический. Таким образом, возникает проблема *exit strategy* и требуется время не только для преодоления кризиса, но и для устранения последствий борьбы с ним.

Все эти факторы, вместе взятые, объясняют коренное отличие системного кризиса от циклического. Циклический кризис лечится временем, он не предполагает изменения политики, а преодолевается сам собой, когда сдувается возникший в период бума пузырь. Системный кризис требует существенной трансформации экономической политики, основанной на новой философии экономической жизни. Иначе говоря, здесь структурные проблемы доминируют над циклическими.

Прохождение России через современный глобальный кризис распадается на несколько этапов.

На *первом этапе*, наиболее остром для глобальной экономики (2008–2009 гг.), российская экономика развивалась параллельно с остальным развитым миром. Какие-то проблемы здесь проявлялись более жестко, какие-то мягче, чем в других странах.

Так, благодаря ответственной макроэкономической политике предыдущего десятилетия стране удалось избежать долговой ловушки, иметь сбалансированный бюджет и значительные валютные резервы. Это позволило смягчить трудности первого этапа кризиса и сконцентрировать антикризисную политику на поддержании спроса прежде всего со стороны населения. Крупные государственные инвестиционные проекты (подготовка к саммиту АТЭС в 2012 г., к Олимпиаде 2014 г., строительство газопровода «Северный поток») также способствовали под-

держанию экономической стабильности. Однако все это позволило смягчить социально-экономическую ситуацию, но не удержать экономику от падения: спад ВВП в России в 2009 г. оказался самым глубоким среди стран «Большой двадцатки».

Главным макроэкономическим отличием России были наличие бюджетной сбалансированности и высокая инфляция. Это делало невозможным денежное стимулирование экономики и существенно ограничивало возможности бюджетного стимулирования. По сути, Россия столкнулась с рисками стагфляции, что требовало антикризисной программы, существенно отличной от программ других развитых стран.

На *втором этапе* (2010–2013 гг.), когда ситуация, как казалось, стабилизировалась, почти восстановились до докризисного уровня цены на нефть и золотовалютные резервы страны, возобладала идеология *business as usual*. Иными словами, по факту была предпринята попытка возврата к модели экономического роста 2000–2008 гг., основанной на стимулировании спроса.

Правда, официально была признана необходимость перехода к новой модели роста, дискуссии по которой интенсивно велись на протяжении 2011–2012 гг. в рамках работы над «Стратегией-2020»¹¹.

Третий этап начался в 2013 г., когда появились признаки торможения. Впервые с начала XXI в. (за исключением 2009 г.) темп роста страны оказался ниже среднемирового. Торможение стало результатом переплетения нескольких факторов: отсутствия институциональных и структурных реформ на протяжении уже ряда лет, снижения инвестиционной активности (в силу как конъюнктурных, так и институциональных причин), роста геополитической напряженности и ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры.

В результате к началу 2015 г. Россия вновь оказалась под воздействием сразу нескольких кризисов – структурного, циклического и внешних шоков (падение цен на нефть и введение финансовых санкций)¹². Каждую из этих проблем можно решить в рамках ответственной экономической политики. Однако наложение их друг на друга создает серьезные трудности, поскольку требуется принимать не просто различные, но подчас диаметрально противоположные меры.

Ключевым кризисом, влияющим на современную ситуацию в России, является глобальный кризис и непосредственно вытекающая из него необходимость трансформации сложившейся в России модели экономического роста. Эта модель демонстрировала признаки истощения уже к 2008 г., о чем предупреждали экономисты практически всех направлений. Однако короткий кризисный спад 2009 г. и отскок упавших тогда цен на нефть позволили продлить время ее существования еще на несколько лет. Начавшееся в 2012 г. падение темпов экономического роста вновь напомнило о необходимости структурных и институциональных реформ¹³. Внешние шоки, при всей их важности, играют вторичную роль, обостряя ситуацию,

---

¹¹ Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика: в 2-х тт. / под ред. В. Мау, Я. Кузьминова. М.: Дело, 2013.

¹² Если рассматривать ситуацию в деталях, то имеет смысл выделить следующие кризисные явления в России 2014–2015 гг. помимо собственно глобального кризиса: кризис модели экономического роста России 2000–х гг.; обострение геополитической обстановки; внешний шок от предпринятых против России отраслевых санкций, прежде всего в финансовой сфере; внешний шок в результате падения цен на нефть; валютный кризис как результат двойного внешнего шока (прежде всего падения цен на нефть, но отчасти и финансовых санкций); циклическое снижение, связанное со снижением инвестиционной активности; демографический кризис как сокращение численности населения в трудоспособном возрасте (Мау В. Социально-экономическая политика России в 2014 году: выход на новые рубежи? // Вопросы экономики. 2015. № 2).

¹³ Тезис о приоритетной роли структурных реформ является общим практически для всех исследователей. Типичное высказывание: «Для того чтобы преодолеть спад и улучшить долгосрочные перспективы, Россия должна будет принять меры как контрциклической, так и структурной политики. Причем применительно к России меры структурного характера более значимы. Ограниченность в прошлом периоде последовательных структурных реформ привела к постепенному размыванию доверия инвесторов» (The World Bank. Confidence crisis exposes economic weakness. Russian Economic Report. 2014. No. 31. P. 5).

но одновременно создавая дополнительные возможности для антикризисного маневрирования и институционального обновления.

I

Кризисы и революции

Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время, – век мудрости, век безумия, дни веры, дни безверия, пора света, пора тьмы, весна надежд, стужа отчаяния, у нас было все впереди, у нас впереди ничего не было, мы то витали в небесах, то вдруг обрушивались в преисподнюю, – словом, это было время, очень похожее на нынешнее, и самые горластые его представители уже и тогда требовали, чтобы о нем – будь то в хорошем или в дурном смысле – говорили не иначе как в превосходной степени.

Чарлз Диккенс. Повесть о двух городах (1859)

Глава 1

Разрыв непрерывности: особенности революционной трансформации

Трансформация общества из одного состояния в другое может принимать множество форм, и эта смена качественных характеристик нередко обуславливает использование термина «революционный». Однако революцию можно признать таковой лишь в зависимости от результатов: они предполагают смену качественного состояния общества. Такое широкое понимание мало чем помогает осмыслить те или иные события, претендующие на статус революционных. Помимо самой глубины преобразований важен еще и механизм их осуществления.

Традиционно революции трактовались как насильственные смены режимов, связанные с возникновением новой элиты и наличием новой идеологии. Опыт посткоммунистического транзита требует пересмотра этой дефиниции. Да, революция представляет собой радикальную, системную трансформацию общества. Однако роль насилия, изменения элиты и идеологии не должна абсолютизироваться. Гораздо более важной характеристикой полномасштабного революционного перехода является то, что он осуществляется в условиях резкого ослабления государственной власти. Политическим проявлением этого кризиса являются острый конфликт элит (и основных групп интересов вообще), отсутствие между ними консенсуса по базовым ценностям, по ключевым вопросам, по направлениям дальнейшего развития страны. Для экономистов же слабость власти проявляется прежде всего в финансовом кризисе государства, в его неспособности собирать налоги и балансировать свои расходы со своими доходами.

Именно слабость государственной власти обуславливает стихийный характер протекания экономических и социальных процессов, что, в свою очередь, делает великие революции удивительно похожими друг на друга как по фазам развертывания экономического и политического кризиса, так и по базовым характеристикам. Общественное развитие вдруг оказывается результатом не чьих-то целенаправленных воздействий (иногда более, а иногда менее эффективных, но все же осмысленных), а результатом действия разнообразных интересов, ведущих страну в разных направлениях, что предопределяет стихийный характер дальнейших событий. Но здесь же наблюдаются и закономерности, делающие великие (полномасштабные) революции столь похожими друг на друга.

Именно стихийность, а не насилие, является конституирующим признаком революции. Насилие, несомненно, также имеет место. Острый конфликт основных групп интересов, невозможность найти общий язык по фундаментальным вопросам жизни страны делают неизбеж-

ным использование силы для навязывания определенной системы ценностей, по которой оказывается невозможно договориться при помощи обычных (легитимных на данном уровне развития страны) процедур. Однако уровень насилия не поддается внятной оценке, тем более количественной. Кто способен оценить, сколько нужно насилия, чтобы данная трансформация была признана революционной? Вряд ли можно согласиться с тем, что более великими являются более кровавые революции. Эти основания становятся еще более зыбкими, когда мы переходим от аграрных стран к анализу революционных событий в урбанистических обществах. По мере роста общего уровня социально-экономического развития (а вместе с ним образования, культуры, материального благосостояния) роль насилия в принципе снижается, потому что населению «есть что терять».

Смена элиты в ходе революции, несомненно, происходит. Однако ее не следует смешивать с немедленным физическим устранением представителей элиты старого режима (на эшафот, в эмиграцию или в отставку). Здесь надо учитывать два обстоятельства. Прежде всего радикальность обновления элиты, как правило, сильно преувеличивается историками революций¹⁴. При обращении к высказываниям современников этих событий почти всегда сталкиваешься с жалобами на сохранение во власти многих представителей старой элиты. Причем подобные жалобы характерны даже для таких, казалось бы, радикальных потрясений, как Великая французская революция. Лишь по прошествии времени ситуация меняется.

Более важен другой аспект данной проблемы. Смена элиты не должна в принципе отождествляться с представляющими ее физическими лицами. Новая элита – это готовность людей действовать в новых обстоятельствах, играть по новым правилам, в новой логике. К этому могут приспособиться как выходцы из старой элиты, так и новые лица. Вряд ли от того, что епископ Оттенский был представителем старой элиты, Талейран не являлся ярчайшим представителем нового режима. Как и присутствие В. Черномырдина в высших слоях советской номенклатуры (министр и член ЦК КПСС) не умаляет его роли в становлении новейшего российского капитализма. Словом, роли важнее происхождения.

Аналогичные рассуждения применимы и к вопросам трансформации собственности. Аргументы смены собственника, несомненно, важны, но их не следует абсолютизировать. Гораздо важнее не физическая смена собственника, а смена формы собственности. Яркий пример тому – английская революция (гражданская война) середины XVII столетия. Большинство исследователей считают ее непоследовательной, половинчатой, поскольку она не сопровождалась радикальным переделом собственности, а аристократия по большей части сохранила свои позиции. Особое удивление вызывала склонность лидеров революции после фактической конфискации у роялистов земельных владений перепродавать их старым владельцам. Из виду, однако, упускался тот факт, что после перепродажи это уже была другая собственность – частная, освобожденная от старинных феодальных обязательств, составляющая основу для будущего капиталистического общества и обеспечивающая необходимую социальную базу для будущего экономического роста. Аналогично развивалась ситуация и в России, где после начального этапа приватизации значительная часть собственности оказалась под контролем директоров предприятий, а затем постепенно переходила в другие руки.

Не следует преувеличивать и роль новой идеологии. Революция, несомненно, связана с идеологией, однако связь эта более сложная, чем принято думать. Революция не навязывает обществу новую идеологию. Напротив, она происходит тогда, когда общество (и прежде всего элита) оказывается захвачено новой идеологией, новыми представлениями о «правильном» общественном устройстве. Просвещение, идеология «естественного порядка» и «духа законов» сформировали основу французской революции и общую базу деятельности практиче-

¹⁴ На это обращал внимание Дж. Голдстоун. См.: *Goldstone J. A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1991. P. 296.

ски всех революционных и постреволюционных правительств. Для рубежа XIX–XX вв. были характерны кризис системы рыночной демократии и утверждение в мире идеологии индустриализма, монополизма и этатизма. Современные посткоммунистические преобразования в полной мере вписываются в победившую в цивилизованном мире к началу 1980-х гг. систему экономико-политических воззрений и ценностей, основанную на либерализме и индивидуализме, символом которой стал знаменитый тезис Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории»¹⁵. Словом, доминирующая идеология эпохи задает общие рамки революции вообще и ее экономического измерения в частности.

В нашем представлении революция, таким образом, выступает как системная трансформация общества в условиях слабого государства. Это определенный механизм социальной перестройки, прохождения через системный общественный кризис и адаптации к новым вызовам эпохи. Возможны и другие механизмы адаптации: постепенные реформы, осуществляемые старым режимом, завоевание иностранным государством и наконец «революции сверху». Однако общей чертой всех этих механизмов трансформации, отличающей их от революции, является наличие сильной власти (национальной или оккупационной), обеспечивающей контроль за характером и ходом реформ. Здесь нет места хаотической борьбе сторон, сохраняющих условный паритет сил, с неясным политическим исходом. Борьбе, делающей всю общественную жизнь в высшей степени неопределенной как в краткосрочной перспективе, так и в плане стратегическом. Эта неопределенность, обусловленная политической борьбой, в значительной мере предопределяет облик революционного общества, включая экономические механизмы революционной трансформации.

Революция и модернизация

Главной целью российской политики в XX в. (как в начале, так и в конце столетия) являлась модернизация или, точнее, сокращение разрыва с наиболее развитыми странами мира и выравнивание с ними по уровню социально-экономического развития, традиционно измеряемому показателем среднедушевого ВВП. Эта задача была центральной для России на протяжении последних трех веков. По крайней мере, со времен Петра I страна пытается осуществить модернизацию и преодолеть отрыв, который разными наблюдателями оценивается примерно в 50 лет от уровня таких стран, как Франция и Германия.

На рубеже XIX–XX вв. решением задачи ускоренной модернизации пришлось заняться всерьез. Поражение в Крымской войне не оставляло сомнений, что вопрос об индустриализации тождествен сохранению Россией позиции самостоятельного игрока в мировой политике. Александр II начал осуществление комплекса политических реформ, за которыми позднее (в основном при его преемниках) последовали реформы экономические: бюджетная, налоговая, денежная, внешнеэкономического регулирования. Результатом предпринимавшихся усилий стало ускорение темпов роста промышленности, которые приблизились в 1890-е гг. к 10 %.

Механизм индустриализации был понятен. Можно выделить два важнейших фактора решения этой задачи. Во-первых, источником средств для индустриализации было крестьянство. Россия была крупнейшим экспортером зерна (45 % мирового рынка). Продукция сельского хозяйства являлась главной статьёй экспорта и, соответственно, валютных поступлений в страну. Высокие налоги позволяли выкачивать из деревни огромные средства, которые перераспределялись в пользу промышленности. «Недоедим, а вывезем» – этот тезис министра финансов И. А. Вышнеградского выразил суть отечественной индустриализации на десятилетия вперед, хотя никто более не смел формулировать его столь откровенно. К этому надо доба-

---

¹⁵ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ; Полиграфиздат, 2010.

вить, что российские элеваторы находились тогда в собственности Государственного банка, что предопределяло характер налоговой политики страны.

Именно фискальный фактор надо принимать во внимание, объясняя причины длительного сохранения общины в российской деревне¹⁶. При помощи общины С. Ю. Витте пытался решать чисто фискальные задачи – выкачивать из деревни налоги. Способность старых институтов играть новую роль, т. е. обеспечивать модернизацию, не следует преувеличивать. За сохранение старых форм стране все равно приходится платить, и иногда несоразмерную цену. Возвращаясь к примеру с общиной, можно предположить, что более ранняя ликвидация этого института способствовала бы ускорению развития капитализма в российской деревне и, возможно, предотвратила бы революцию (или ее развитие по наиболее катастрофическому сценарию). Желание правительства упростить решение текущих налоговых проблем обернулось системным кризисом и крахом страны.

Во-вторых, ускоренная индустриализация, по мнению многих экономистов того времени, требовала активной роли государства для стимулирования экономического роста. В отличие от стран – пионеров индустриализации (Англии, Голландии, Франции) Германия, а вслед за ней и Россия опирались в экономике на административный ресурс государства. Он был нужен, чтобы компенсировать институциональные провалы слаборазвитой страны: отсутствие надежных банков, кредитных историй коммерческих компаний, узость внутреннего рынка. Государство становилось источником финансовых ресурсов и спроса на продукцию промышленности. Государственные банки и бюджет превращались в ключевые институты, обеспечивающие экономический рост.

Однако главные условия ускоренной модернизации должны были обеспечиваться политикой. Три первых председателя Совета министров России – С. Ю. Витте, П. А. Столыпин и В. Н. Коковцов – видели блестящие экономические перспективы России при условии сохранения мира – внутреннего и внешнего – на протяжении примерно 20 лет. Устойчивый экономический рост в мирных условиях позволил бы решить базовые задачи индустриализации и выйти из чреватой революцией «зоны турбулентности».

ТАБЛИЦА 1.1. Уровень ВВП на душу населения в периоды революций (в долл. США, 1990 г.)

Страна	Год начала революции	ВВП на душу населения
Англия	1640	Около 1200
США	1774	1287 (данные 1820 г.)
Франция	1789	1218 (данные 1820 г.)
Германия	1848	1476 (данные 1850 г.)
Россия	1905	1218 (данные 1900 г.)
Мексика	1911	1467 (данные 1913 г.)
Россия	1917	1488 (данные 1913 г.)

¹⁶ На возможность использования старых институтов для решения новых задач обращал внимание А. Гершенкрон (*Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе*. М.: Дело, 2015).

Данные исторической статистики свидетельствуют, что революции происходили в странах сопоставимого среднедушевого ВВП. Иными словами, показатель этот в Англии середины XVII в., Франции конца XVIII в., Германии середины XIX в., Мексики и России начала XX в. был примерно одинаков, а значит, одинаковы были структуры ВВП и занятости, уровень грамотности и другие социально-экономические характеристики данного общества. Табл. 1.1 показывает сопоставимость этих данных, равно как и скорость, с которой Россия начала XX в. уходила из «зоны турбулентности».

На рубеже XIX–XX вв. С. Ю. Витте обращал внимание на основные направления стимулирования экономической модернизации. Будучи тонким аналитиком, он подчеркивал, что «в стране, в сущности, капиталов гораздо больше, но они вследствие различных причин не все помещаются в промышленные предприятия»¹⁷.

Именно поэтому основное внимание предлагалось уделять стимулированию превращения сбережений в инвестиции, а для этого – поощрению предпринимательской активности народа и привлечению иностранного капитала. А ведь «история всех современных богатых стран показывает, что первоначально развитием своей промышленности они были обязаны в значительной мере притоку иностранных сбережений и предприимчивости иностранных капиталистов»¹⁸. Министр финансов предлагал снять ограничения, существующие при открытии акционерных обществ с русским и иностранным участием, а также призвать региональные и местные власти перестать чинить препятствия в деятельности бизнеса: «Как бы ни был изменен законодательной властью порядок открытия и эксплуатации фабрично-заводских предприятий, последние будут всегда в значительной зависимости от многочисленных местных властей, начиная от урядника и восходя до генерал-губернатора, и эти местные влияния могут быть полезны и благотворны только тогда, когда все органы власти проникнутся убеждением, что развитие промышленности есть благо с государственной и народно-хозяйственной точки зрения и что всемерная помощь ей входит в круг их и служебных и нравственных обязанностей»¹⁹.

В 1917 г. произошел срыв в революцию. Последовали годы кризиса и нестабильности. Но после восстановления государства и экономики перед постреволюционным правительством вновь встали те же задачи ускоренной индустриализации. Правда, большевики воспринимали вызовы более жестко, нежели царское правительство. С одной стороны, они видели себя в кольце враждебных государств и упорно готовились к войне – а для этого индустриализацию надо было провести в предельно сжатые сроки («Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»²⁰). С другой стороны, кошмаром большевиков было социальное перерождение власти. Они были уверены, и небезосновательно, что органичный экономический рост приведет к укреплению частного сектора как более конкурентоспособного по сравнению с госпромышленностью и это в конечном счете уничтожит большевистский режим. Именно поэтому они стремились ограничить рост в сельском хозяйстве, обеспечив максимальное расширение городской промышленности, рост числа городских рабочих, жизнь которых, в отличие от крестьян, полностью зависела от государства.

Эти два фактора обусловили решительные шаги по проведению индустриализации, которая по сути своей была той же, что и на рубеже XIX–XX вв.: перекачка средств из деревни, восстановление общины, доминирующая роль государства. Но то была индустриализация, беспрецедентно жесткая по форме, платой за которую стали миллионы человеческих жизней. Революция завершилась, и страна вернулась к решению оставленных в 1913 г. проблем.

¹⁷ Витте С. Ю. О положении нашей промышленности. Всеподданнейший доклад министра финансов. Февраль 1900 г. // Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 4. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 321.

¹⁸ Там же. С. 323.

¹⁹ Там же. С. 326.

²⁰ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 29.

Построенное в результате общество оказалось, однако, исключительно ригидным, плохо реагирующим на новые вызовы времени. Поэтому, когда страна столкнулась с вызовами постиндустриальной эпохи, ее государственные и экономические механизмы не смогли найти адекватного ответа. В стране произошла вторая за столетие революция.

* * *

Особенность посткоммунистической трансформации России состоит в переплетении нескольких различных, хотя и взаимосвязанных, кризисов и, соответственно, нескольких трансформационных процессов. Речь идет, во-первых, о структурном кризисе индустриального общества, столкнувшегося с постиндустриальными вызовами; во-вторых, о макроэкономическом (финансовом) кризисе; в-третьих, о посткоммунистической трансформации; в-четвертых, о революционном характере этой трансформации. Последний фактор отличает Россию от большинства других посткоммунистических стран, однако не является уникальным в истории. Революция в современной России может быть рассмотрена в контексте других великих революций прошлого, и это сопоставление дает многое как для лучшего понимания особенностей развития посткоммунистической России, так и для осмысления других революций²¹.

Даже поверхностный взгляд на события последних 25 лет в России и сравнение их с великими революциями прошлого позволяют отнести нашу трансформацию к данному классу явлений. Это касается прежде всего логики развертывания кризиса коммунистической системы, движения от одной его фазы к другой. Знаменитая работа Крейна Бринтона «Анатомия революции»²², написанная в 1930-е гг. и посвященная сравнительному анализу английской, американской, французской и русской (большевистской) революций, будь она своевременно (где-то в конце 1980-х гг.) переведена и издана в СССР, могла бы стать настольной книгой по политическому прогнозированию. Схожесть фаз²³, специфики политической борьбы, экономических процессов прошлого и нашего настоящего поразительна и весьма полезна для осознания характера и направления осуществляемых перемен. Аналогии, разумеется, ничего не доказывают. Однако они позволяют увидеть проблему и поставить вопрос о механизмах, обуславливающих возникновение подобных аналогий.

Влияние революции на дальнейшее развитие экономической и политической систем страны является одним из наиболее дискуссионных и идеологизированных вопросов на протяжении вот уже полутора веков. Исследователями высказывались три возможные принципиальные точки зрения по этому вопросу. Первая: революция становится катализатором экономического прогресса, освобождая экономику страны из пут прежнего режима. Понимание революции как локомотива истории – отнюдь не марксистская новация, такая ее трактовка высказывалась еще французскими либеральными историками первой трети XIX в. Вторая: революция не оказывает особого влияния, поскольку основной тренд развития фактически закладывается еще при старом режиме, – тезис, восходящий еще к Токвилю²⁴. И наконец, тре-

---

²¹ Этот вопрос подробно рассмотрен в кн.: *Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции. От Кромвеля до Путина.* М.: Вагриус, 2001.

²² *Brinton C. The Anatomy of Revolution.* N.Y.: Vintage Books, 1965.

²³ Можно выделить следующие основные фазы революционного процесса: «розовый период» (или «медовый месяц»), когда все силы объединены вокруг задачи ниспровержения старого строя, а у власти находится чрезвычайно популярное «правительство умеренных»; поляризация, размежевание социально-политических сил, приводящие к краху «правительства умеренных»; радикальный период, когда происходит окончательный слом старой системы и возвращение назад становится невозможным; термидор (если пользоваться известным термином Великой французской революции), закладывающий основы для укрепления государства и стабилизации системы; посттермидорианская стабилизация и выход из революции.

²⁴ См.: *Токвиль А. Старый порядок и революция.* М.: Московский философский фонд, 1997.

тня, консервативная, интерпретация, в соответствии с которой революция негативно влияет на развитие страны²⁵.

Разумеется, истории известны примеры, иллюстрирующие все три варианта развития. К тому же очевидна крайняя условность построений подобного рода, поскольку в истории почти никогда нельзя поставить реальный эксперимент и ответить на вопрос «что было бы, если...». Остается лишь сравнивать развитие отдельных стран друг с другом в сопоставимые исторические эпохи. Несомненно одно: характер постреволюционного общества, его социально-политический облик в немалой степени зависят от хода самой революционной трансформации. Именно здесь формируются и конституируются новые группы интересов и элитные группировки, именно здесь закладывается новая система отношений собственности.

Следует обратить внимание на один аспект влияния революции на дальнейшую эволюцию страны, связанный с уровнем социальной конфликтности. Наличие непримиримых противоречий между ведущими группами интересов является основным источником нестабильности, невозможности власти осуществлять сколько-нибудь последовательный политический и экономический курс. Однако было бы неверным делать из этого вывод, что наиболее благоприятный для развития страны результат достигается тогда, когда после революции формируется общество, где конфликт групп интересов максимально сглажен. Подобные позиции характерны для многих историков и политологов, особенно придерживающихся марксистских взглядов.

Наиболее показательно в этой связи сравнение английской и французской революций. Первую принято считать неоконченной, половинчатой, поскольку в результате была сохранена земельная аристократия, в значительной мере связанная со старым режимом. Французская же революция привела к гораздо более глубокой трансформации отношений собственности, в первую очередь земельной, и открыла широкое поле для быстрого политического укрепления предпринимательских классов, прежде всего промышленников и банкиров. Реальное развитие событий, однако, требует внести в этот вывод существенные уточнения. Именно в Англии с ее противоречивой постреволюционной социальной структурой, с острым конфликтом между ведущими группами интересов была создана благоприятная почва для начала экономического роста, приведшего к промышленной революции. Борьба между фритридерами (промышленниками) и протекционистами (землевладельцами) заложила основу главного экономико-политического противостояния, на протяжении почти двух веков державшего в напряжении элиту. Экономическая конкуренция порождала конкуренцию политическую, что не позволяло ни одной социальной группировке «подмять под себя» государство и использовать политическую власть в узкокорыстных интересах.

Во Франции же после революции возник механизм торможения экономического роста: все основные группы были заинтересованы в протекционизме. За это выступали и крестьяне, и промышленники, и финансисты. Подобная коалиция выдержала испытание реставрацией и новой революцией, поскольку ни одно правительство не решалось вступить с ней в конфликт²⁶. Результат налицо – вплоть до 1850-х гг. продолжалось экономическое отставание Франции от Англии²⁷. Причем такое развитие событий вполне согласуется со сделанным нами выше выводом о том, что изменение характера (формы) собственности гораздо важнее смены собственника. Аналогичные примеры можно было бы привести и из истории других стран и революций, что позволяет сформулировать, по крайней мере, одну чрезвычайно важную гипотезу: если

²⁵ Подробнее см.: Хиришман А. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М.: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2010.

²⁶ Пожалуй, наиболее красноречиво эту ситуацию выражают сатирические зарисовки Ф. Бастиа и прежде всего его памфлет «Прошение фабрикантов сальных и стеариновых свечей...» (Сэй Ж.-Б., Бастиа Ф. Трактат по политической экономии. М.: Дело, 2000. С. 89–93).

²⁷ Подробнее об этом см.: Crouzet F. Britain Ascendant: Comparative Studies in Franco-British Economic History. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; *Idem*. France // The Industrial Revolution in National Context: Europe and the USA. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

формирование консенсуса относительно базовых общественных ценностей является главной предпосылкой выхода страны из революции и обретения ею устойчивости, то отсутствие конфликта по вопросам экономической политики выступает источником застоя и консервации экономической отсталости.

Экономические проблемы революции

В основе экономических проблем, характерных для революции, лежат политический кризис и вызываемый им рост транзакционных издержек. Можно выделить ряд факторов, снижающих стимулы предпринимательской деятельности и ограничивающих возможности экономических агентов оценивать перспективы принимаемых ими решений. Во-первых, неясность перспектив нового экономического порядка, что особенно сказывается при перераспределении собственности, когда новые собственники не могут оценить надежность полученных ими приобретений. Во-вторых, уже в начале революции происходит резкая ломка институциональной структуры общества, т. е. «правил игры», по которым привыкли действовать экономические агенты. Наконец, в-третьих, слабое государство неспособно обеспечить исполнение законов и контрактов, а потому предприниматели должны идти на дополнительные затраты для подтверждения надежности сделок. Все эти проблемы обостряются во время гражданских войн, сопровождавших все великие революции прошлого. В результате предприятия «склонны избирать краткосрочную стратегию», а «самыми выгодными занятиями становятся торговля, перераспределение или операции на черном рынке»²⁸. Причем торгово-посредническая деятельность хотя и оказывается эффективнее производственной, все равно несет значительный ущерб от нестабильности «правил игры».

Рост транзакционных издержек стал важнейшим фактором ухудшения экономической ситуации во всех революциях, начиная с английской, когда революционные процессы протекали относительно сглаженно, а надежность прав собственности обеспечивалась в большей мере, чем в последующих революциях. Естественно, во всех последующих революциях проблема транзакционных издержек влияла на развитие событий еще сильнее.

Особенно остро названные проблемы стоят в современной России. Низкая конкурентоспособность российских предприятий в значительной мере связана именно с неспособностью государственной власти обеспечить стабильность условий хозяйствования и прежде всего исполнение законодательства (*law enforcement*). Коррупция в государственном аппарате и в суде является важнейшим препятствием развития российской экономики. Предприятия вынуждены закладывать в издержки своеобразные «затраты на исполнение закона» (на осуществление правосудия, на получение благоприятного решения в госаппарате), что не только ведет к росту издержек, но и существенно повышает неопределенность хозяйственной жизни.

Центральным пунктом революционного экономического кризиса является бюджетный кризис, который остается актуальным на протяжении всего периода революции. Финансовый кризис выступает здесь прежде всего как кризис государственного бюджета, как неспособность государства финансировать свои расходы традиционными и легитимными способами.

Вопрос об источниках пополнения казны всегда был острейшим и для последнего пред-революционного режима, и для всех сменяющих друг друга правительств революции, и для послереволюционной власти. С финансированием революции связаны самые острые коллизии внутренней и внешней политики. Не только контрибуции, реквизиции и новые налоги, но и меры по перераспределению собственности – национализация, приватизация, всевозможные конфискации – предопределялись в первую очередь поиском денег для революционной вла-

---

²⁸ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 92.

сти. Добавим к этому, что масштабная бумажно-денежная эмиссия как способ инфляционного финансирования государственного бюджета также стала открытием двух великих революций XVIII в. (американской и французской).

Финансовый кризис революции проявляется в следующих основных формах.

Во-первых, падение сбора налогов и неспособность правительства применять силу государственного принуждения для получения законных налогов. В результате власти или закрывают глаза на эту проблему, прибегая к нетрадиционным способам пополнения казны, или даже принимают официальные решения об отмене налогов, как это было во Франции в 1789–1791 гг., или о снижении налогов, несмотря на бюджетный кризис, как это было в СССР в 1990–1991 гг. Естественно, причина таких решений связана прежде всего с поиском политической поддержки слабого правительства. Неудивительно, что в посткоммунистической России пики налоговых неплатежей совпадают с моментами наиболее резкого ослабления государственной власти (август – сентябрь 1993 г. и зима 1995–1996 гг.), когда со всей очевидностью встал вопрос о ее способности выжить в течение ближайших месяцев.

Во-вторых, резко усиливается роль государственных заимствований. В большинстве случаев это оказываются не обычные добровольные займы, а «добровольно-принудительные» или откровенно принудительные. Последние часто переходят в контрибуции, накладываемые на сторонников старого режима. Власти склонны идти на индивидуальные соглашения с налогоплательщиками или крупными финансистами, договариваясь об их вкладе в государственный бюджет. Хотя, разумеется, не всегда займы доступны революционному правительству (как это было в революционной Франции или большевистской России), однако, как правило, революционеры (даже на радикальной фазе) способны проводить внутренние и внешние заимствования – хотя и в сужающемся масштабе по мере продвижения революции вперед. Перестроечный СССР и посткоммунистическая Россия имели широкий доступ к заимствованиям (прежде всего внешним), и задолженность в этот период резко возросла (практически в 5 раз за 1985–1997 гг.). Параллельно нарастал и внутренний долг.

В-третьих, типичной для революций является та или иная форма дефолта по государственным обязательствам как способ разрыва с наследием прошлых режимов. Типичные примеры такого рода действий – отказ термидорианского правительства от уплаты двух третей своего долга («банкротство двух третей»), а также отказ большевистского (т. е. радикального) правительства платить по долгам прежних режимов. Россия осуществила дефолт по внутреннему долгу в 1998 г., однако продолжала скрупулезно выплачивать внешний долг. По сути, дефолт в этой ситуации становится способом преодоления бюджетных дисбалансов, признаком готовности власти встать на путь финансового оздоровления.

В-четвертых, широкое распространение получают неплатежи государства перед получателями бюджетных средств. Это особенно характерно для завершающей фазы революций, когда правительство уже достаточно сильно, чтобы проводить ответственный финансовый курс, однако еще не имеет достаточного политического ресурса для формального балансирования бюджета (то есть для увеличения доходов до уровня бюджетных обязательств или официального снижения обязательств до уровня реальных доходов). Неплатежи были тяжелой проблемой посткоммунистической России, приближаясь к 40 % ВВП. Неплатежи касались всех сфер экономической жизни страны – помимо бюджетных значительных масштабов достигали налоговые неплатежи (в бюджет), задержки по выплате заработной платы (как на бюджетных, так и на частных предприятиях), задолженности предприятий друг перед другом.

По мере завершения революции и консолидации политического режима меры финансово-экономической стабилизации начинают приносить плоды, воспользоваться которыми, однако, удастся не тем, кто эти мероприятия осуществлял, а следующим правительствам: налоговые новации Долгого парламента и Протектората были вполне восприняты правительством Реставрации, а результаты стабилизационных мероприятий Директории в полной мере прояви-

лись при Наполеоне Бонапарте. Ослабление государства, его неспособность собирать налоги и заимствовать финансовые ресурсы на рынке заставляют власти прибегать к «нетрадиционным» (во всяком случае, в условиях мирного времени) источникам пополнения своих доходов, и прежде всего к перераспределению собственности и бумажно-денежной эмиссии. Причем эти два экономических механизма революции не только не являются альтернативными, но, напротив, исторически тесно связаны друг с другом²⁹. Ведь, как показывает опыт французского ассигната, перераспределяемая собственность может служить способом обеспечения бумажных денег.

Инфляционные механизмы финансирования революций хорошо изучены в экономической литературе³⁰. Логика действий правительств, прибегающих к бумажноденежной эмиссии, достаточно проста. Революция оказывается в финансовой ловушке: доходная база бюджета разрушена, тогда как расходы революционной власти резко возрастают. Правительство прибегает к печатному станку, и количество денег все более отрывается от золотого обеспечения (или товарно-материальной базы). Деньги обесцениваются, что побуждает правительство применять стандартный набор насильственных действий: требование принимать денежные знаки по указанному на них номиналу, запрет на использование металлических денег, в том числе в качестве меры стоимости (для индексации цен), запрет на торговлю основными потребительскими товарами по рыночным ценам.

Столь же стандартна реакция на эти меры экономических агентов, которые даже под угрозой смертной казни (как это было в якобинской Франции) отказываются принимать подобные правила игры. Высокая инфляция приводит к постепенному исчерпанию эмиссионного источника наполнения бюджета. Эмиссия, вызванная ограниченностью или отсутствием других средств финансирования, и прежде всего налогов, еще более подрывает налоговую базу, поэтому доля неинфляционных источников госбюджета по мере развития инфляционных процессов неуклонно снижается. Соответственно количество бумажных денег в обращении увеличивается нарастающими темпами, все быстрее падает их стоимость.

Инфляционное финансирование бюджета было важным элементом российской экономической политики 1990-х гг.: хотя инфляцию удавалось сдерживать, она так и не переросла в гиперинфляцию и играла меньшую роль в решении перераспределительных задач, чем собственно приватизация.

Перераспределение собственности является одним из важнейших механизмов решения революционными властями социально-экономических и политических проблем. Следуя декларациям политиков или рассуждениям экономистов, исследователи, как правило, склонны видеть в перераспределении собственности способ повышения эффективности экономической системы, внедрения новых, более эффективных форм хозяйствования. Именно это декларируют революционные правительства безотносительно к тому, идет ли речь о приватизации (как это было в революциях XVII и XVIII вв. и конца XX столетия) или национализации. Однако о реальном повышении эффективности нельзя говорить до решения задач политической стабилизации и выхода страны из революции. Пока же на передний план выходят две другие функции перераспределения собственности: укрепление политической базы (путем передачи соб-

²⁹ Пожалуй, первым на эту связь указал Э. Бёрк. Он резко критиковал выпуск французских ассигнатов как «вопиющее поругание собственности и свободы», отмечая прежде всего перераспределительную функцию ассигнатов: «Союз банкротства и тирании во все времена и у всех народов редко являл столь грубое надругательство над кредитом, собственностью и свободой, каким стало принудительное введение в обращение бумажных денег». В бумажных деньгах Бёрк видел источник будущих кризисов и невозможности успеха французской революции, в отличие от английской. (См.: Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. М.: ВГБИЛ, 1993. С. 205, 216, 239–245.)

³⁰ См., напр.: Фалькнер С. А. Бумажные деньги французской революции (1789–1797). М.: Ред. – изд. отдел ВСНХ, 1919; Далин С. А. Инфляция в эпохи социальных революций. М.: Наука, 1983; Aftalion F. The French Revolution: An Economic Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

ственности в руки поддерживающих власть политических и социальных групп) и получение дополнительных ресурсов в казну.

Для решения этих задач революционные правительства прошлого и настоящего использовали схожий набор механизмов, прежде всего выпуск ценных бумаг, обеспеченных перераспределяемой собственностью, которыми власти расплачивались по своим долгам. Результаты этих транзакций также понятны. В условиях политической неопределенности получатели подобного рода ценных бумаг отдавали предпочтение ликвидности и сбывали бумаги с большим дисконтом. Собственность концентрировалась в руках небольшого числа владельцев, которые к тому же получали ее по дешевке. Неудивительно, что среди новых приобретателей оказывались представители новой политической элиты.

* * *

Итак, предлагаемое нами понимание революции позволяет сделать ряд важных выводов. Прежде всего надо признать, что освобождение от коммунизма в большинстве стран Центральной и Восточной Европы вряд ли может рассматриваться как серия революций в строгом смысле этого слова. В подавляющем большинстве случаев общество и элита не были расколоты в отношении к базовым ценностям. Какими бы глубокими ни были их внутренние конфликты, все они стремились обрести место в объединенной Европе. Соответственно власти не теряли контроль над социально-экономическими процессами.

Понимание революции как определенного механизма трансформации само по себе никак не облегчает задачу прогноза начала соответствующих преобразований. Неспособность специалистов предсказать близкий крах советского коммунизма является довольно типичной для аналогичных ситуаций в прошлом³¹. Но такие же настроения господствовали незадолго до всех великих революций прошлого – от английской до большевистской. Не то чтобы никто не ожидал перемен (их наступление как бы носилось в воздухе) но никто не мог спрогнозировать механизм этих перемен, их стихийный, не контролируемый властями характер.

Существует одна особенность, отличающая российскую трансформацию рубежа 80–90-х гг. XX в. от других великих революций прошлого. По сути, мы имеем дело с первой полномасштабной революцией, происходящей в условиях кризиса индустриализма и перехода к постиндустриальному обществу в стране с подавляющим преобладанием городского населения, с высоким уровнем образования и культуры. При всех материальных проблемах уровень благосостояния россиян несопоставим с аналогичными показателями революций прошлого. Это накладывает существенный отпечаток на современную российскую трансформацию, хотя и не может изменить базовые характеристики революционного механизма. Далее проблемы посткоммунистической трансформации как революции будут рассмотрены нами более подробно.

---

³¹ В вышедшем в 1989 г. втором издании книги Дж. Данна «Современные революции» говорится о невозможности революционной трансформации коммунистических стран. См.: *Dunn J. Modern Revolutions*. 2nd ed. Cambridge and N.Y.: Cambridge University Press, 1989. P. 22.

Глава 2

Посткоммунистическая Россия: специфика революционных преобразований

Одной из ключевых проблем исследования социально-экономического развития современной России является выявление общих и специфических черт ее развития на протяжении последней четверти века. Именно этот анализ в конечном счете позволил бы оценить как обоснованность экономической политики, осуществлявшейся здесь после крушения коммунизма, так и конкретные мероприятия, проводимые посткоммунистическими правительствами страны.

Существующие исследования логики проведения посткоммунистических преобразований показывают принципиальную схожесть мер, предпринимавшихся самыми различными правительствами соответствующих государств на протяжении 1990-х гг. и приводивших, в общем-то, к схожим результатам³². Можно сказать, что пути к макроэкономической стабильности и росту, которые демонстрирует, несмотря на мировой финансовый кризис, большинство посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы, были во многом схожи. Как схожи были и нерешенные проблемы, которые не позволили ряду других стран вырваться из тисков кризиса.

Однако при схожести решенных и нерешенных макроэкономических проблем причины разных результатов посткоммунистического развития надо, очевидно, искать не в макроэкономике. Здесь на передний план выходит комплекс социально-политических факторов, оказывавших существенное воздействие на преобразования в тех или иных странах. Именно социально-политические факторы обуславливают специфику отдельных стран, тогда как макроэкономика делает их принципиально сопоставимыми.

Можно выделить три группы социально-политических факторов, оказывающих влияние на посткоммунистическое развитие вообще и посткоммунистическое развитие России в особенности.

Во-первых, это тип данного этапа мирового развития, суть которого состоит в переходе от индустриального общества к постиндустриальному. Важнейшей характеристикой последнего является либерализм, т. е. относительное уменьшение роли прямого государственного вмешательства в экономические процессы, усиление роли конкуренции и выход экономических процессов за пределы национальных государств. Политическим результатом такого развития становится переход значительного числа стран от авторитаризма (тоталитаризма) к демократии, что, в свою очередь, становится самостоятельным фактором экономического развития этих стран и регионов³³.

Во-вторых, собственно политэкономические проблемы, прежде всего в концепциях «общественного выбора», «логики коллективных действий», «конституционной экономики» и т. п. Опубликованные на протяжении последних нескольких лет работы убедительно показывают не только принципиальную применимость, но и исключительную важность использования соответствующего методологического инструментария при исследовании социально-экономических процессов в посткоммунистических странах³⁴.

---

³² Fisher S., Sahay R., Vegh C. A. Stabilization and Growth in Transition Economies. The Early Experience // *Journal of Economic Perspectives*. 1996. Vol. 10. No. 2; Åslund A. *Building Capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

³³ Huntington S. P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman and London: University of Oklahoma Press, 1991.

³⁴ *Institutions and Economic Development* / C. Clague (ed.). Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1997; *Transforming Post-Communist Political Economies* / J. M. Nelson, Ch. Tilly, L. Walker (eds.). Washington, D.C.: National Academy

Наконец, в-третьих, анализ может вестись и с точки зрения характера, типа осуществляемых в тех или иных посткоммунистических странах преобразований – революционного или эволюционного. По нашему мнению, именно революционный характер развития России конца 1980-х – начала 1990-х гг. определяет ряд важнейших особенностей социально-экономического развития этой страны, принципиально отличающих ее от большинства других посткоммунистических государств Европы³⁵.

Именно этот, последний аспект проблемы и будет рассмотрен нами в данной главе.

Слабое государство

Слабое государство является универсальной характеристикой общества, проходящего через революционную трансформацию. Собственно, системная трансформация в условиях слабого государства и является наиболее общим определением революции.

Слабость государства проявляется в целом ряде особенностей развития революционного общества. Среди наиболее типичных, универсальных проявлений слабости государственной власти можно выделить следующие. Во-первых, постоянные колебания экономического курса, когда власть находится в постоянном поиске новых способов осуществления своих целей, причем сами эти цели никогда не являются сколько-нибудь четко сформулированными. Во-вторых, возникновение множественности центров власти, конкурирующих между собой за доминирование в обществе. В-третьих, отсутствие сложившихся политических институтов, поскольку старые вскоре после начала революции оказываются разрушенными, а новые еще только предстоит создать, в результате чего функции политических посредников могут выполнять самые разнообразные, стихийно возникающие организации и институты. В-четвертых, отсутствие сколько-нибудь понятных и устоявшихся «правил игры», когда процедуры принятия решений властью не являются жестко установленными. Наконец, в-пятых, неспособность власти собирать налоги, что становится обобщающей экономической характеристикой кризиса всей государственной системы.

Наличие всех этих характеристик применительно к позднему СССР и современной России является вполне очевидным. Несмотря на формальную мощь коммунистического СССР, на формальную (конституционную) мощь исполнительной власти в России после 1993 г. (до того было налицо всевластие законодательного корпуса), возможности для реализации всех этих обширных полномочий были более чем призрачными.

Разумеется, власть в СССР отличалась исключительной стабильностью и силой, способностью навязывать свои интересы как собственному народу, так и многим зарубежным странам. В результате общественное мнение страны было склонно скорее переоценивать возможности своего государства, чем недооценивать их³⁶.

И все-таки государственная власть конца 1980–1990-х гг. оставалась слабой. Особенно это видно на примере связи между политическими кризисами в стране и динамикой мировых цен на нефть. Наиболее болезненные политические и экономические потрясения происходили

Press, 1997.

³⁵ Подробное обоснование этого тезиса см.: *Стародубровская И. В., Мау В. А.* Великие революции. От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001.

³⁶ Сила и жесткость власти в СССР, устойчивость советской политической системы создали видимость ее незыблемости не только среди отечественных обществоведов (что вполне естественно), но и у значительной части западных аналитиков. Возможность радикальных сдвигов, революционных потрясений большинство исследователей связывали со слаборазвитыми или среднеразвитыми странами Азии и Африки, но никак не с Советским Союзом. Именно так оценивал ситуацию и перспективы ее развития, скажем, С. Хантингтон, выделяя СССР и США как страны наиболее устойчивого, наиболее стабильного типа. (См.: *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004). Это стало своеобразной методологической традицией, которая в дальнейшем воспроизводилась в работах многочисленных авторов – политологов, экономистов да и, собственно, советологов.

в СССР и России именно тогда, когда нефтяные цены опускались до минимальных в интервале 5–7 лет значений – в 1985, 1991 и 1998 гг. Это приводило к резкому сужению возможностей социального маневра властей.

Другим фактором кризиса является неспособность власти собирать налоги. Специальный анализ этой проблемы показывает, что резкое ослабление возможностей сбора налогов (наиболее заметный прирост недоимок) происходило всегда в моменты резкого политического ослабления центральной власти, связанного с обострением политического кризиса³⁷

---

³⁷ Мау В. Стабилизация, выборы и перспективы экономического роста (Политическая экономия реформы в России) // Вопросы экономики. 1997. № 2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.